

УДК 929.713+94(47)043+94(474.2)

А.И. Филюшкин¹

**Свое или чужое? Обеспечение боеспособности русской
армии в годы Ливонской войны (1558-1583) в контексте
военного производства²**

Великое княжество Литовское; Ливония; граница; Россия XVI в.; Иван Грозный; военное производство; военная история.

В работе рассматриваются способы обеспечения боеготовности и содержания русской армии как в контексте пограничных конфликтов, так и в условиях дальних походов и длительного пребывания на вражеской территории. Делается вывод о быстрой адаптации Россией военно-экономического потенциала ВКЛ на занятой территории и слабой адаптации аналогичного военно-экономического потенциала Ливонии. Объясняется это близостью уровня развития ВКЛ и России XVI в. и преобладанием культурной парадигмы «свое –

¹ Филюшкин Александр Ильич, Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., a.filushkin@spbu.ru.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-21-01003 а(м).

чужое» в случае с Ливонией.

Ливонская война (1558-1583) — военный конфликт нового типа, в котором русской армии приходилось решать задачи в непривычном социально-экономическом контексте. Речь идет прежде всего о механизмах обеспечения боеспособности армии, ее снабжения провиантом, фуражом, боеприпасами, создания условий для военного ремонта и поставок новых вооружений. В средневековье эти проблемы решались двумя способами: 1) за счет местного населения, которое подвергалось разграблению, и местной природы (охота и т.д.); 2) путем налаживания минимально необходимых способов обеспечения армии (обоз, простейший полевой ремонт оружия силами самих воинов, налаживание элементарных военных коммуникаций и поставок и т.д.).

Как следует из источников, эти способы реализовывались в дальних походах первой половины XVI в. на Казанское ханство. Князь Курбский в своей «Истории...» красочно описывает, как войско обеспечивало свое пропитание на марше охотой, а когда дошло до земель черемисов — за счет местного населения. Князь хвалит «черемисский хлеб», который оказался слаще многих яств (хотя не уточняет, хлеб выменивался у местного населения или конфисковывался) [7, с. 27].

В ходе порубежных войн с Великим княжеством Литовским в конце XV – первой трети XVI в. русские войска занимали города ВКЛ и использовали их военно-экономический потенциал. В источниках есть описания использования захваченной артиллерии, пороховых запасов, запасов свинца, холодного оружия и т.д. Сведения о пограничных конфликтах содержат практически обязательные описания добычи, которая и была целью взаимных нападений и набегов: коней, угнанных людей, «платья», «служебной рухляди», оружия и доспехов и т.д. [9, с. 23-45].

Оценить масштабы этого явления сложно. С одной стороны, перед нами достаточно банальное пользование трофеями, грабеж как цель и смысл войны. С другой — надо отметить легкость взаимного пользования захваченной добычей, ей сразу же находилось применение. При захвате городов ВКЛ они легко и быстро включались в военно-экономическую систему Российского государства, становились московскими городами с типичной для них военно-производственной инфраструктурой. Потенциал и уровень развития городов Московской Руси и ВКЛ в первой половине XVI в. не сильно отличались, во всяком случае, не принципиально, и интеграция проходила

без больших проблем.

В Ливонии же возникла несколько иная ситуация. Ее отличия были в следующем. Русская армия заняла города и территории с иной, незнакомой организацией. Это были городские центры с каменной застройкой, каменные замки, замки и мызы, районы с высоким доведенным уровнем развития ремесленного производства [6, с. 178-189]. Ливонию нельзя было просто интегрировать в Россию, в том числе экономически — это был иной контекст социально-экономического уклада, иная культура населения, в том числе в повседневной и экономической жизни. К тому же русская армия в Ливонии ощущала свой «чужой» статус, несмотря на постоянные гарнизоны и раздачи земель дворянам [1, с. 43-57; 3, р. 139-153; 5, лк. 21-33; 8, с. 132-138; 10, с. 161-183; 12, с. 114-117]. Это было связано прежде всего с тем, что основная масса населения (немцы, эсты, латыши и т.д.) оставались в гораздо большей степени чужими (и в этническом, и в религиозном плане), чем русинское, славянское население, преобладавшее в ВКЛ [11, с. 125-132].

Источники говорят о трудностях интеграции русских гарнизонов в повседневную и экономическую жизнь Ливонии. Русские воеводы пишут, что их воины не хотели жить в западных каменных домах, предпочитали делать к ним привычные им деревянные пристройки [9, с. 66; ср.: 6, с. 188-190]. Подобные свидетельства, конечно, могут быть порождены культурной ксенофобией по отношению к «московским варварам», которые не хотят жить в цивилизованных домах и стоят свои примитивные жилища. Однако остается фактом, что русские в Ливонии в самом деле вели обширное именно деревянное фортификационное строительство (в Дерпте, Резице, Круцборге, Везенберге и др., впрочем, в Везенберге они построили и каменную стену [9, с. 59, 61; 4, лк. 50-67]). О гражданском строительстве более-менее объективных данных нет, кроме вышеприведенных немецких высказываний. Русские предпочитали селиться в ливонских городах отдельными анклавами, что, впрочем, было вызвано вопросами обеспечения безопасности компактно размещенного в чужом городе гарнизона.

Что же касается использования русской армией в Ливонии местного военного производства, то оно оставалось вульгарно-трофейным. Как и в иных областях (например, в сфере военного и торгового флота) какие-то объекты использовались только как захваченное имущество (те же артиллерийские орудия, запасы оружия, военного снаряжения и т.д.). Но ливонская военно-экономическая инфраструктура задействована и освоена не была, просто пришла в упадок и в ряде мест погибла вместе с ливонской экономикой. В областях, постра-

давших от войны, шла стремительная аграризация экономики, сопровождавшаяся упадком городского ремесла.

Как же обеспечивались русские гарнизоны в Ливонии? Необходимых ремесленников (кузнецов (причем «со своей снастью», то есть кузнечными инструментами!), плотников, пушкарей и т.д.) стремились привезти из России. Их доставляли из Пскова, администрация которого должна была обеспечивать посылку в Ливонию необходимых специалистов [9, с. 56-120]. Вопросы ремонта орудий согласовывались в переписке с центральными приказами, а ремонт делался по распоряжению из Москвы [9, с. 118]. Нередко в воеводской документации встречаются эпизоды, когда вместо того, чтобы обеспечить гарнизон боеприпасами, починить укрепления и военное снаряжение воевода просто сочинял жалобу об отсутствии пороха, свинца, целых орудий и несломанных стен начальству и считал свой долг воеводы выполненным.

Объяснить такое неэффективное использование военно-экономического потенциала Ливонии русской администрацией и армией можно объяснить через парадигму «свой – чужой». Россия в экономическом и культурном плане находилась на иной стадии развития, чем Ливония, бывшая частью германского мира. Многие ценности и целые экономические отрасли были для пришедших в Ливонию воинов Ивана Грозного просто непонятны — они высоко ценили землю и земельные раздачи, но плохо понимали, что им делать с морем и морскими коммуникациями, с каменными городами и т.д. Ливония воспринималась в основном как поставщик продовольственных запасов и фуража [9, с. 59-68] (отсюда и ее аграризация), а оказавшийся в руках гарнизонов ремесленный потенциал городов не развивался. Впрочем, нередко продовольствие везли из России, из Пскова.

Воеводы жалуются, что в городах нет ни кузнецов, ни каменщиков, ни плотников — всех надо завозить из России [9, с. 63]. В дефиците оказывались даже палачи (воевода Борзуна просил привезти городского палача из Великого Новгорода [9, с. 71]). Трудно сказать, что стоит за этими заявлениями — то ли из ливонских городов при входе русских войск сбегали все ремесленники, то ли русские воеводы принципиально не хотели (или не могли) использовать местных специалистов в таком деликатном деле, как военное производство и ремонт фортификаций. Ведь в гражданской сфере — например, строительство ямских дворов — местные кадры привлекались [9, с. 64]. Для строительных работ брали также местных латышей, но не немцев [9, с. 86].

Во многом отсюда и потребительское отношение к эконо-

мическим возможностям, которые несли в себе захваченные ливонские города, пренебрежительное отношение к бюргерскому и ремесленному населению, которое вовсе не стремились сбересть и поставить себе на службу. Показательна история с укреплениями Феллина — взяв этот замок, русские разобрали оловянные крыши крепостных сооружений, домов и церквей, заменили их деревянными и были довольны, получив трофейное олово [7, с. 143, ср.: 13, с. 245]. О том, что в случае нападения противника деревянные крыши более пожароопасны и менее прочны, то есть своими действиями русские ослабили укрепления, никто не задумывался. Зато было много добычи — олова, и замок с городом приобрели привычный вид с деревянными крышами.

Русские в Ливонии предпочитали строить собственный, привычный мир городской жизни служилых людей в занятых чужих немецких каменных городах [14, с. 71-79; 2, р. 420-435]. Ливонская городская культура и особенности военного производства впечатления не произвели, и влияния на русскую военную культуру не оказали. Они были чужими. Воины Ивана Грозного не пытались освоить чужой мир, а стремились заместить его расширением своего мира, переносом в чуждую среду привычных стандартов своей жизни, в том числе в сфере военного производства.

1. *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg: Lann, 1972.
2. *Filyushkin A.* The Livonian War and the Mentality of the Russian Nobles // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47.
3. *Martin J.* Two Pomeshchiki From the Novgorod Lands: Their Fates and Fortunes during the Livonian War // Russian History. 2007. Vol. 34.
4. *Pagel O., Kirss O.* Rakvere: linnuse ajalugu. Estimesest aastatuhandest 20.sajandini. Virumaa Muuseumid, 2008.
5. *Selart A.* Pärnu Liivi sõja aegse Vene halduskeskusest // Pärnumaa ajalugu. 2002. Kd. 5.
6. *Граля Х.* «In der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в. Планы и результаты // Studia Slavica et balcanica Petropolitana. 2014. № 2.
7. *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Исследование книжной культуры. Т. II. М., 2009.
8. *Новицкий Г.А.* Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558-1582) // Вопросы истории. 1956. № 4.
9. Памятники истории Восточной Европы. Т. III: Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. М.; Варшава, 1998.
10. *Пиотух Н.В.* Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003.

11. *Филюшкин А.И.* Ливонская война и проблемы этнокультурной идентичности // *Нации и этничность в гуманитарных науках* / Под ред. А.Х. Даудова и С. Е. Федорова. СПб., 2015.
12. *Флоря Б.Н.* К истории русского поместного землевладения в Ливонии // *Русский дипломатический журнал*. Москва, 1999. Вып. 5.
13. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
14. *Хорошкевич А.Л.* «Заблудящиеся овцы»: Ливонская война и менталитет русского народа // *Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв.* / Под ред. А.И. Филюшкина. М., 2010.